

Albin Konieczny, Jadwiga Szędzielorz

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ В КРУГУ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ

/Из архива писателя/

Имя Евгения Павловича Иванова для историка литературы ассоциируется, главным образом, с Александром Блоком и его современниками.

Печатная продукция Е. Иванова не велика: литературно-философские этюды, статьи и рецензии в журналах и газетах, несколько детских книжек¹.

Е. Иванов относится скорее к тому типу личности, для которой, по выражению Владислава Ходасевича, "литературное творчество отступало на задний план, подавлялось творчеством иного, «жизненного» порядка"². Как отметил профессор Д. Е. Максимов, "Евгений Иванов принадлежал к числу тех людей, в которых их человеческий стиль имеет едва ли не большее значение, чем их идейная ориентация и внешние факты их биографии"³.

Евгений Иванов родился в Петербурге 7 декабря 1879 года в семье личного дворянина, члена Совета Волжско-Камского банка; мать происходила из купеческого старообрядческого рода. В этом городе он прожил почти всю жизнь; здесь и умер от голода во время блокады 4 января 1942 года.

Детство его проходило в религиозной атмосфере патриархальной, на редкость дружной и сплоченной семьи: "В этой тихой, внешне душноватой и мрачноватой атмосфере, — как писал позже Е. Иванов, — таился редкий, даже для того времени, се-

мейный дух. Основа семейного единства [..] своеобразно развилась под крылом матери нашей, под светом мерцающих из всех углов лампад пред большими иконами, унаследованными от бабушек, живших по старой вере. Плотны и кровно связаны были мы под крылом матери — я, брат мой и две сестры [..]. Стержнем семьи, как матка в улье пчел, была наша мама"⁴. По воспоминаниям Е. Иванова, с отроческих лет он носил, "не зная еще почему, Евангелие при себе. Оно лежало в моем боковом кармане у сердца"⁵.

Почти одновременно с Блоком Иванов поступает на юридический факультет Петербургского университета /1899/, который оканчивает в 1907 году, явно не испытывая тяготения к академическим наукам. Впоследствии он иронизирует над собой: "я — юрист и довольно-таки сомнительный"⁶.

В этот период /не позже весны 1902 года/ завязалось личное знакомство Евгения Иванова с Мережковским⁷, В. Розановым⁸, со всем кругом Религиозно-философских собраний⁹ и журнала Мережковских "Новый путь"¹⁰, который тогда готовился к изданию.

По характеру своих знакомств и идейной ориентации Е. Иванов примыкал к символистскому литературному кругу.

Неохристианские проповеди Д. Мережковского, и отчасти В. Розанова, в это время были созвучны кругу мыслей, определивших мировоззрение Е. Иванова: "меня захватили Мережковский и Розанов своими словами. Бездны открылись под ногами и жажда крыльев охватила дух... Я был учеником Мережковского"¹¹. "Я еще имел тогда манеру говорить порой гордо до самоуверенности, будучи весь пропитан ожиданием «нового слова», которое /вот, вот не сегодня, — завтра!/ откроется нам, и откроет нам все... Бездны, воспетые Мережковским, не давали мне спать, захватывали дух, я захлебывался ими. Я готов был поучать всех, кто только попадет, не разбирая ни пола, ни возраста"¹². Под общим влиянием Мережковского Е. Ивановым написано большинство его ранних статей.

6 марта 1902 года, на первой вечеринке "Нового пути", состоялась встреча Е. Иванова с А. Блоком¹³, положившая начало их прочной дружбе на всю жизнь. Называя Иванова в числе "действительных друзей"¹⁴, Блок отмечал, что в нем "есть единственная неистребимая и нерастворимая ценность: он — «лучший из людей»"¹⁵.

К литературным опытам Иванова Блок относился сложно. Если в письме Иванову 23 мая 1905 г. он восторженно отзывается об "Университете"¹⁶, то в 1912 г. Блок записывает в дневнике: "он [Иванов] портит себя «писательством», его драгоценное место в жизни — не в том. Когда он пишет, — он свою гениальность превращает в бездарность"¹⁷; позже /1913/ Блок отмечал: "Я просто не понимаю его г р а м м а т и к и. Его фразы н и к а к не связаны с предшествующими им фразами. [..] Женя ничего не завивает вокруг себя, все его отталкивают, он чист и подлинен, и то, чего он не умеет сказать, следовательно, подлинно"¹⁸.

Статьи и этюды Е. Иванова, экзальтированные и не всегда внятные по мысли и изложению, не привлекали особого внимания читателей. Сам Иванов испытывал неодолимую потребность выразить свои переживания и размышления в общении с друзьями и в периодических изданиях, а также в своем огромном неопубликованном дневнике, пестрящем хаотическими записями.

Е. Иванов продолжает спорадически участвовать в символистских изданиях, выступает с докладами в возобновившемся в октябре 1907 года Религиозно-философском обществе¹⁹, принимает участие в заседаниях Вольной Философской Ассоциации²⁰.

Заслуживает внимания и жизненная позиция Иванова — его подвижничество, субъективная честность, неприятие карьеры /он служил счетоводом, статистиком, кассиром, был рабочим/; в 1929 году Иванова репрессировали и сослали в Великий Устюг, откуда он возвратился в Ленинград в 1933 г.

"Петербургский мистик", как назвал его Блок²¹, Евгений

Павлович Иванов много думал, спорил и писал о христианстве и об отношениях между христианством и современной культурой. В этом споре между ним и Мережковскими были не только притяжения, но и отталкивания, неприятия. Будучи в жизни человеком большой доброты и уступчивым, в полемике он откровенно высказывал свои взгляды, внимательно и критически прислушиваясь к собеседникам.

Трудно судить о том, насколько удалось Е. Иванову создать стройную систему своего учения /его обширный архив ждет своего исследователя/, а тем более — как доносил он свое учение до сознания современников. Несомненно однако, что в Иванове все время шла огромная внутренняя работа. "Я боюсь за Женю, — пишет Блок Любови Дмитриевне в конце 1914 года, — теориям и «деятельности» его конца нет; обо всем-то он скажет запутанно, сбивчиво и апокалипсически"²².

Мысли Иванова об автоматизме цивилизации, о мертвой зеркальности современного сознания, о злой, «демонической» душе города были созвучны писателям-современникам и получили освещение в их творчестве, например, у А. Блока.

И хотя Евгений Иванов, в отличие от Мережковского и Розанова, не реализовался ни как христианский писатель, ни как религиозный философ, его личность сыграла заметную роль в духовной жизни его современников.

Публикуемые ниже материалы: черновые наброски неосуществленного замысла Евгения Иванова — книги "Летящие листья" /1902 г./ и письмо ему З. Н. Гиппиус /от 10 июня 1906 г./ представляют интерес не только как эпизод из истории отношений Иванова с Мережковскими, но важны для понимания идейной и творческой эволюции Д. С. Мережковского.

Эти материалы публикуются по автографам любезно предоставленным ныне покойным коллекционером Николаем Павловичем Ильиным.

В квадратных скобках восстановлены недописанные и сокращенные слова, приведены пояснения публикаторов, отточием в скобках обозначены пропуски текста.

Е. П. Иванов. Из книги "Летящие листья"

После собрания у Мережковских 21-го апреля 1902 г.²³ я возгорел желанием высказать ему письменно мой образ мыслей, не высказанных в тот вечер, но пришедших в голову потом под впечатлением, слышанном на собрании...

- А Вы, Иванов, ни о д н о г о - т о слова не сказали!
- заявила Зин[аида] Ник[олаевна] Гиппиус в конце вечера, тараща глаза удивленно-[нрзб], и, отчасти, эта фраза подзадорила меня объясниться письменно.

Я написал письмо и, насколько помню, сравнил себя с "безобразным утенком", "серым утенком" из Андерсена. Этот "серый утенок" оказывается потом Лебедем. То же сравнение я перенес и на церковь. Она кажется, в исторических наслоениях своих, таким же "серым безобразным утенком", а на самом деле сущность Ее - Лебединая.

Свою миссию по отношению к церкви я сравнил с миссией "Свата"; я хотел сосватать церковь Мережковскому как белого лебедя и голубя-голубицу.

Мережковский на том собрании говорил, что при желании войти в церковь оттуда вылетаешь, как пробка из воды.

Ждал с нетерпением ответа. Но ответа не последовало.

Тут как раз приходилось собрание Религ[иозно]-философск[ого] общества, где можно было встретиться лично.

И вот на собрании сразу заметно стало холодное отношение ко мне со стороны Мережковских.

Они оба как бы не замечали меня и избегали заговаривать.

Во время перерыва я проходил мимо Зин[аиды] Ник[олаевны] Гиппиус, она курила с кем-то в дверях.

Вдруг вслед многозначительное и насмешливое:

- Сват!

Я сперва не сообразил в чем дело; думал, что письмо читано только тем лицам, кому оно адресовано /как водится это

у людей/, т.е. Мережковскому; не тут-то было, его читали всем; и вот результат - насмешливое: "сват!".

При выходе из собрания опять услышал насмешливое: "Сват Серой Голубицы!". Под "серой голубицей" надо было разуть церковь "историческую", т.е. православную.

Мережковский прощаясь, косо глядя, ничего не сказал, показывая вид полного охлаждения [...].

Далее Е. Иванов пишет о том, как 19 мая 1902 г., приглашенный на вечер к В. В. Розанову, он застаёт там Мережковских/.

[...] Я обратился к Мережковскому с извинением, что назвал себя "Сватом".

Он мне в ответ, что несколько на это не обиделся и что у него был готов ответ, но теперь он забыл сам какой.

Я спросил его о двух "безднах", об "идеале Мадонны" и "идеале Садомском" по Достоевскому.

А он мне в ответ, что "идеала Садомского" не существует. Что это бесовщина теперь, когда "совершилось" во Христе все²⁴[...].

Затем, когда зашла речь о том, что с церковью делать?, Розанов оказал, что ее надо всю прочь, что православно, то и церковь.

Мережковский повернулся ко мне и со смехом сказал: - Вот он что сказал?!

Я отвечаю: - Неужели откинуть и ее "о тебе радуется всякая плоть"?!?

Мережковский в ответ: - Нет! все это будет, будет [...].

Потом о браке и свободном союзе женщин с мужчинами²⁵.

В. В. Розанов говорил, при чем склонял к свободе половых отношений[...].

Ниже Е. Иванов описывает свой разговор с Мережковским, когда они возвращались вместе от В. В. Розанова/.

[...] Спрашивал, видит ли он в диске солнца, как в нем-бе, Лик Христа?

Мережковский: - Солнце - Христос! - Это пантеизм [...].

Я спросил Мережковского: - Скоро ли думает он кончить своего "Христа и Антихриста"? трилогию²⁶.

Мережковский: - Через 5 лет.

Я: - У Вас, все-таки, за это время будут изменяться взгляды?

Мережковский: - Да... Можно будет посмотреть, как они изменяются.

Я: - Ведь с "Юлиана" и "Воскресших богов" нет почти изменения в сравнении с тем, что мы читали в его работе "Толстой и Достоевский"²⁷.

Мережковский: - Нет, изменения глубокие есть²⁸.

Я говорю о значении "обожания" или "обожения", вложенного в психологию людей, особенно в юности²⁹. Что через это "обожение" открывают видимо-невидимые и изображаются боги и Бог. Смена этих ликов "обожения" в истории выражается низвержением идолов и воскресением богов и Бога в новых ликах и именах. Говорим, что "обожение - обожание" связано с крыльями - с полетом над безднами. Поэтому, когда в древнем изображали общественную природу и Бога в виде зверей, то зверей изображали "крылатыми". Крылатый и Иоанн-Креститель.

Разговор шел хорошо, но под конец я к чему-то сказал про Вас. Вас. Розанова:

- Дмитрий Сергеевич, ведь В. Вас. Розанов - язычник?!

Мережковский резко оборвал: - Ну в таком случае и я - язычник³⁰.

Это было глубоко верно, и полное мое непонимание глубин Розанова обнаружило.

Мы уже дошли до подъезда, где жили Мережковские, и прощались.

Последний вопрос мой и резкий ответ, благородный, Мережковского сильно портил впечатление от вечера [...].

После этого наступил большой перерыв [...].

Так до 1-го января 1903 года я не бывал у них [В. В. Ро-

занова⁷ и у Мережковских бывал редко. Все неудачно приходил и не заставлял [...].

З. Н. Гиппиус — Е. П. Иванову

15 bis Rue Théophile Gautier Paris XVI

10 июня /1906

Вот хорошо, что пишете нам. И впредь пишете. А на даче у Таты³¹ будете ли?

О грехах своих так не думайте очень. А то можно поникнуть и ожесточиться. Я это знаю. Любить надо, а любовью /действенной/ все покрывается³². А насчет женитьбы — тут опасно, потому что может быть гордыня. Благославляю природу, как тварь, и всю тварь, а сам я не тварь, а сразу ангел. Ведь если не брак, который "не то", /это правда/, то ведь какая-то любовь, влюбленность /тайна 2-х/ должна же быть у всякого. А она — как воскресение, для которого раньше нужно всю жизнь принять и смерть. Не узнаете лицо нового, ежели не знаете старого.

Ведь не хотим же мы "бессмертия души". Мы воскресения именно хотим! И стать "сынами Божиими", а не ангелами!

Если не надеяться, что перейдешь через старое в плоти и выйдешь в новое, тогда лучше не идти, не принимать, отстраняться от плоти и любви, и страсти. Сбереечь себя. Но ведь тут опять страшно, потому что "желающий сбереечь душу..."³³.

Опять, конечно, если прямо плоть, и всякую любовь чувственную, и всякую тайну двух — считать /хотя бы для себя/ грехом и проклятием, ощущать внутри — другое дело. Но как мы это можем? Какую церковь проверим, что это — не дьяволовны нашептывания?

Брату кланяйтесь³⁴, и всем вашим. Пишите нам, не забывайте.

Христос с вами

Зив[аида] Г[иппиус]

От всех вам приветствие.

[На поле последней страницы:]

Розанов что? А Вар/вара/ Дм/итриевна/³⁵? А Люб/овь/
Дм/итриевна/³⁶?

[На конверте:] Евгению Павловичу Иванову. Уг/ол/ Буль-
варной и Песочной дом Сучкова. Царское Село.

Russie St. Pétersburg - Tzarsskoë.

Примечания

1 В символистских и околосимволистских журналах Е. Иванов поместил следующие статьи и рецензии: в "Новом пути" - "К спящим от печали", "О смрадном и святом / По поводу заметки А. Крайнего о г. Розанове /" /1903, № 10/, "«Эдип в Колоде» в Александринском театре" /1904, № 2/, "Юность мира" /1904, № 3/, "В. Розанов, Семейный вопрос в России, СПб. 1903 г." /1904, № 6/: в "Мире искусства" - "Георгий Чулков, Кремнистый путь, М. 1904" /1904, № 4/; в "Вопросах жизни" - "Университет" /1905, № 4-5/. В альманахе символистов "Белые ночи" /1907/ Е. Иванов напечатал импрессионистический литературно-философский этюд "Всадник. Нечто о городе Петербурге" /см. неодобрительный отзыв А. Белого - "Весы", 1907, № 7/.

Мы не располагаем полными сведениями об участии Е. Иванова в газетах, известно лишь, что в 1906 г. он публиковался в кадетской газете "Страна", а в 1910 г. - в баптистской газете "Утренняя звезда" /"Се оставляется дом ваш пуст", 1910, 13 авг.; "При дверях", 1910, 8 окт./.

Как детский писатель, Е. Иванов сотрудничал в журнале "Тропинка", издаваемом в 1906-1912 гг. П. С. Соловьевой и Н. И. Манасеиной; выпустил шесть книжек для детей /1915-1928/.

2 В. Ф. Ходасевич, Некрополь, Брюссель 1939, с. 9.

3 Д. Е. Максимов, Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке /в: Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 года, Тартуский гос. университет, 1964, с. 344; далее: Блоковский сборник.

4 Там же, с. 367.

5 Там же, с. 370.

6 Там же, с. 365.

7 Мережковские - Дмитрий Сергеевич /1865-1941/, писатель, поэт, критик, литературовед, философ, и Зинаида Нико-

лаевна Гиппиус-Мережковская /1869-1945/, поэт, прозаик, критик /псевдонимы: Антон Крайний, Товарищ Герман/.

⁸ Василий Васильевич Розанов /1856-1919/, писатель, критик, публицист, философ, активный сотрудник журналов "Мир искусства" и "Новый путь".

⁹ Религиозно-философские собрания открылись в Петербурге /по инициативе Мережковских, В. Розанова, Д. Filosofova и др./ 29 ноября 1901 года; в апреле 1903 г. они были запрещены обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Стенографические отчеты первых 20 собраний /всего их состоялось до закрытия 22/ печатались в журнале "Новый путь" /1903/, отдельно - в книге: Записки Петербургских Религиозно-философских собраний /1902-1903/, СПб. 1906.

¹⁰ Журнал "Новый путь", /1903-1904/ - орган Религиозно-философских собраний и писателей-символистов - зародился под влиянием Мережковских в среде знаменитого петербургского журнала "Мир искусства". Неохристиане, группировавшиеся вокруг журнала, противопоставляли себя московским соловьевцам, стремились к реорганизации церкви, пытались примирить мировоззрение церкви и интеллигенции на "единой христианской истине" /"Новый путь", 1903, № 6/; официальным редактором-издателем журнала был П. П. Перцов.

¹¹ Блоковский сборник, с. 370.

¹² Там же, с. 369.

¹³ Там же, с. 362.

¹⁴ Александр Блок, Записные книжки, М. 1965, с. 309 /Запись от 28 июня 1916 г./.

¹⁵ Александр Блок, Собр. соч., т. VII, М.-Л. 1963, с. 221. Блок посвятил Иванову шесть стихотворений: "Плачет ребенок. Под лунным серпом..." /1903/, "Петр" /1904/, "Вот Он - Христос - в цепях и розах..." /1905/, "Голоса скрипок" /1910/ и др. Об истории идейных и дружеских связей Блока с Ивановым, а также биографические сведения об Иванове см. в статье проф. Д. Е. Максимова /Блоковский сборник, с. 344-361/.

¹⁶ "Прочел твой «Университет», совершенно согласился и очень понравилось. Люблю твой стиль настолько, что не могу сообразить, понятен ли он другим" /Александр Блок, Собр. соч., т. VIII, М.-Л. 1963, с. 125/. В то же время, в своем письме матери от 3 сентября 1905 г., Блок дает сдержанную и двойственную оценку рукописи Е. Иванова "Всадник" /Письма Александра Блока к родным, Л. 1927, с. 144/.

¹⁷ Александр Блок, Собр. соч., т. VII, с. 172.

18 Там же, с. 217.

19 Отчеты возобновленных собраний /1907-1915/ опубликованы в "Записках С.-Петербургского Религиозно-философского общества", выпуски I-6, СПб. 1908 - П. 1914-1916.

20 Вольная Философская Ассоциация /Вольфила/ открылась в Петрограде в ноябре 1919 г. /существовала по 1924 г./."Мечта о соборном строительстве единого здания мировой культуры может наконец осуществиться в действительности и должна принять характер конкретной организационной попытки" - значилось на первой афише Вольфила. В деятельности Вольфила принимали участие крупнейшие представители творческой интеллигенции: А. Белый, А. Блок, Р. Иванов-Разумник, В. Мейерхольд и др.

21 Письмо Блока к С. М. Соловьеву от 8 марта 1904 г. /Александр Блок, Собр. соч., т. VIII, с. 94/.

22 Александр Блок, Письма к жене, "Литературное наследство", т. 89, М. 1978, с. 345.

23 В Религиозно-философском собрании Д. Мережковский выступил с лекцией "Н. В. Гоголь и о. Матфей" /см. письмо З. Гиппиус к А. Блоку от 22 апреля 1902 г.; ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26/.

24 В эти годы Мережковский утверждал, что "правда о земле" и "правда о небе" уже соединены в учении Христа.

25 На Религиозно-философских собраниях, наряду с другими проблемами, обсуждались также вопросы пола, брака и материнства. Мережковский был представителем чисто аскетической культуры. Розанов, в противоположность ему, сознательно избегал абстракции, он заменял ее системами вещей, возведенных им в степень философских терминов.

26 Смерть богов. Юлиан Отступник /1902; впервые под заглавием "Отверженный" - 1895;/ Воскресшие боги. Леонардо да-Винчи /1900;/ Антихрист. Петр и Алексей /1904/.

27 "Л. Толстой и Достоевский" впервые опубликовано в 1900-1902 гг. По словам Е. Иванова, он в то время очень "увлекался" этим исследованием /Блоковский сборник, с. 384/.

28 В предисловии к трилогии "Христос и Антихрист" /т. I, Смерть богов. Юлиан Отступник, М. 1914, с. VI/ Мережковский пишет: "Когда я начинал трилогию "Христос и Антихрист", мне казалось, что существуют две правды: христианство - правда о небе, и язычество - правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд - полнота религиозной истины.

Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом — кощунственная ложь; я знал, что обе правды — о небе и о земле — уже соединены во Христе Иисусе [...]. Но я теперь также знаю, что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину. От раздвоения я к соединению — таков мой путь [...].”

29 В “Воспоминаниях об Александре Блоке” Е. Иванов пишет: “Мне было года 22, 23. Душа моя [...] шла тогда, если можно так выразиться, под знаком Девы /один из двенадцати знаков Зодиака/; в ней была жажда воочию увидеть того, кому бы сердце мое молвило “вот он”; искание острое, жгучее, связанное со склонностью к обожению и обожанию” /Блоковский сборник, с. 362/.

30 Ставя вопрос: Христос или Антихрист, Мережковский считал единственным решением этой проблемы — слияние христианского и языческого начала, как метафизически противоположных категорий.

31 Татьяна /Тата/ Николаевна Гиппиус /1877—1957/, художница, автор портрета Блока /1906/, сестра З. Н. Гиппиус.

32 “Ненависть возбуждает раздор, но любовь покрывает все грехи” /Книга Притчей Соломоновых, X, 12/.

33 “Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее” /От Марка, VIII, 35/.

34 Александр Павлович Иванов /1876—1933/, математик по образованию, прозаик, искусствовед, брат Е. П. Иванова.

35 Варвара Дмитриевна Бутягина /умерла в 1923 г./, жена В.В. Розанова.

36 Любовь Дмитриевна Блок /урожд. Менделеева/ /1881—1939/, драматическая актриса /по сцене: Басаргина/, жена А.А. Блока.